

стал молчаливым, но по-прежнему начал работать на рассвете в своем тесном кабинете — настоящей монашеской келье; там он и спал на железной кровати. Когда ему отказали служить глаза, замутненные развивавшейся катарактой, и рука, сведенная судорогой (недуг писателей), он попросил моего отца помочь в переписке набело его рукописей. Да и кто мог бы разобрать его почерк (а писал он обычно карандашом), кроме моего отца, которому он с увлечением поверял свои замыслы с живописью вновь обретенной молодости.

А потом... Однажды я вернулся в маленький амьенский домик, чтобы быть рядом с ним в момент его смерти. Он умер стоически, в полном сознании. А мне осталась только печаль, охватывающая тех, кто теряет дорогого человека.

Ну, полно! Вот я и растрогался, вновь переживая утраченное время. «Ты хочешь знать, где будешь после смерти? С теми, кто еще не родился», — говорил Сенека.

Жму вашу руку».

Это теплое и немного грустное письмо вновь напомнило мне Амьен, где Жюль Верн прожил долгие годы. Всякий раз, приезжая в этот город, я посещал кладбище Мадлен и отыскивал там памятник, установленный на могиле Жюля Верна. Дерзкий мечтатель словно бы выходит из могилы, приподняв своими плечами надгробную плиту и взметнув вверх руку...

В. СЕДЫХ

ИССЛЕДУЯ АМЕРИКАНСКУЮ ЛИТЕРАТУРУ

М. Мендельсон. Роман США сегодня. Москва, «Советский писатель», 1977.

Более полувека своей творческой жизни посвятил исследованию литературы США советский литературовед и критик М. О. Мендельсон, автор книг «Марк Твен», «Жизнь и творчество Уитмена», «Современный американский роман», «Американская сатирическая проза XX века», а также многочисленных статей. В связи с выходом новой книги ученого беседу с М. О. Мендельсоном провел И. Попов.

— Морис Осипович, расскажите, пожалуйста, как сложился ваш творческий путь.

— Могу только позавидовать тем, кто без особого смущения вспоминает о своих первых шагах на ниве литературной критики. Увы, я не могу причислить себя к подобным счастливым.

Помню одна из первых моих статей была посвящена двум писателям: советскому — Владимиру Маяковскому и американскому — Карлу Сэндбергу. Я похвалил знаменитое стихотворение Сэндберга «Чикаго» и с некоторым скепсисом отозвался об изображении Чикаго в поэме Маяковского «150 000 000». То, что я сказал тогда о Сэндберге, я бы повторил и сегодня. Но теперь я понимаю, что моя сдержанность при оценке элементов гротеска в творчестве

Маяковского была совершенно неоправданной.

И Маяковский дал мне это понять. Этот великолепный мастер полемики упомянул мою статью на одном своем вечере, где, как всегда, выступал перед большой аудиторией. Итак, он назвал мою статью и... остановился. Собравшиеся с веселым оживлением ждали, что Маяковский обрушит всю силу своего сарказма на автора статьи. Но, помолчав с минуту, знаменитый поэт внезапно сказал, что не будет сейчас ругать этого автора — ведь ему только двадцать лет.

Однако Маяковский не забыл о моей злощастной статье. Когда некоторое время спустя я прочитал замечательную по степени наблюдательности и силе остроумия его книгу «Мое открытие Америки», то обнаружил в ней главу, озаглавленную «Чикаго». В этой главе Маяковский процитировал взятый из той же моей статьи большой кусок перевода сэндберговского стихотворения «Чикаго» на русский язык. Далее следовал впечатляющий образ Чикаго, этой столбцы американской индустрии и одного из главных центров классовой борьбы в США. Тут же Маяковский привел отрывок, посвященный этому городу, из поэмы «150 000 000», а закончил свою главу о Чикаго утверждением, что художник вправе «организовывать и переделывать видимый материал» и что его произведение показывало «другую чикагскую сторону». Хотя Маяковский ни разу не упомянул моей фамилии, я догадывался, конечно, что он полемизировал со мною. Уже давно я должен был признать, что победителем в этом споре был именно Маяковский.

Таким оказалось одно из самых первых моих выступлений в области литературной критики.

Дальнейшая моя литературная деятельность сложилась так, что значительная часть моих критических работ посвящена американским писателям.

Много лет жизни я уделил изучению творчества Марка Твена и Уолта Уитмена. Изучению пристальному и восхищенному. Я написал несколько книг и немало статей об обоих гигантах литературы США. Но и по сей день образы этих двух художников продолжают глубоко меня волновать. Если судьба будет ко мне великодушна, то, надеюсь, она позволит мне познакомить советских людей и с другими моими мыслями, навеянными величественной поэзией Уолта Уитмена и великолепной прозой Марка Твена.

Несколько моих работ посвящено американской прозе двадцатого века. В начале прошлого десятилетия вышла книга «Современный американский роман», а новейшая моя книга посвящена роману США самого последнего времени. Меня интересуют не только книги Теодора Драйзера, Эрнеста Хемингуэя, Синклера Льюиса, Скотта Фицджеральда, Джона Стейнбека, но и творения Джерома Сэлинджера, Джойс Кэрол Оутс, Джозефа Хеллера, Курта Воннегута и немало числа других американских прозаиков.

— Кто из исследователей литературы США оказал на вас наибольшее влияние?

— Прежде всего следует назвать некоторых советских писателей, хотя они отнюдь не являлись специалистами по американской литературе. Это в первую очередь Горький и Луначарский — литераторы, мыслители, которые помогли мне правильнее воспринять крупнейших мастеров словесности США.

Максим Горький в начале века встретился с Марком Твенем в Нью-Йорке и в своем очерке об этом замечательном американском художнике дал почувствовать силу его ума, его проницательность, величие твеневского духа. Горький охарактеризовал «великолепные волосы» Марка Твена как «буйные языки белого, холодного огня». И чувствуется, что это не случайное замечание. «Буйство» вообще было свойственно американскому сатирику. Ему, в частности, было присуще «буйство» суждений о темных сторонах американской действительности. Отмечая наблюдательность Твена, Горький писал, что из-под твеневских «тяжелых... век» редко был виден умный и острый блеск его серых глаз, но «когда,— продолжал русский писатель,— они взглянут прямо в твое лицо, чувствуешь, что все морщины на нем измерены и останутся навсегда в памяти этого человека».

Луначарский одним из первых понял, что основой поэзии Уолта Уитмена является не индивидуализм, а тяга к коллективизму. Именно отсюда, по словам Луначарского, происходит «мощь и грандиозная красота уитменизма...».

Следует добавить, что и Горький назвал Уитмена поэтом, который тяготеет к социализму, зовет «человека к слиянию с человечеством».

Работая над разными исследованиями по литературе США, я, разумеется, знакомился почти со всеми сочинениями американских критиков на ту или иную тему, о том или другом художнике. Многие из того, что я читал, вызывало у меня возражения. Но иные книги и статьи существенным образом помогали проникать глубже в изучаемый материал.

Мое внимание привлекли, например, посвященные Уолту Уитмену публикации поэта Гораса Труубела и литературоведов Эмори Холлоуэя, Гэя Аллена, Фрэнсиса Маттиссена и Девулфа Миллера. Немало важно для себя я почерпнул из книг о Марке Твене Уолтера Блэра, Уильяма Хоуэлса, Филиппа Фонера или, скажем, такого сравнительно мало известного исследователя, как Брайант Френч.

Но, вероятно, мне следовало бы упомянуть Маттиссена раньше — ведь у него, а также у Вернона Паррингтона и Ван Вик Брукса (каковы бы ни были мои разногласия с ними) я нашел немало интересных замечаний почти обо всей истории американской литературы.

— Вы нередко выступаете с полемическими статьями. Как правило, полемичны и ваши книги. Нам известно, что и на ваши рабо-

ты есть отклики в США. Как вы относитесь к этим откликам?

— Расскажу о своем споре с Фрэнком Корлиссом, опубликовавшем в журнале «Уолт Уитмен ревью» (июнь 1967 года) рецензию на первое издание моей книги «Жизнь и творчество Уитмена». В своей статье этот исследователь выразил не только свое личное, но якобы свойственное всем его американским коллегам категорическое несогласие с выдвинутым в моей книге тезисом об ощущаемом в поэзии Уитмена коллективистском начале.

Во второе издание этой книги на русском языке, а также в появившийся недавно перевод ее на английский язык я включил специальную главу, в которой попытался более детально обосновать свою позицию. Я отметил, в частности, что отнюдь не закрывал глаза на то, что в уитменовском творчестве дают себя чувствовать и индивидуалистические тенденции.

Да, философия жизни, которую исповедовал Уолт Уитмен, не всегда была последовательной. В творчестве поэта индивидуалистические и коллективистские идеи часто сталкивались, вступали в конфликт. Вместе с тем я привел ряд дополнительных свидетельств того, что важнейшую роль в поэзии Уитмена играло все-таки тяготение этого великого художника к коллективизму.

Если Корлисс и выступал позднее где-либо в защиту своих взглядов, то для меня, во всяком случае, его выступления остались неизвестными.

В последнее время мне не раз случалось полемизировать с американскими литературоведами, которые рещались утверждать, что роман в их стране обречен на гибель, на уничтожение, а то и умирает на наших глазах.

Позволю себе повторить здесь несколько слов из заключительного абзаца моей книги «Роман США сегодня». Я написал (и не пытаюсь скрыть полемическую направленность моей декларации), что «...роман США продолжает жить и конца ему нет. Художественные потенции американского народа бесспорно велики. И я уверен: все советские критики самым категорическим тоном скажут: «non possumus» (не можем) тем литературоведам заокеанской страны, которые захотели бы привлечь нас к участию в процессии, провожающей роман — в частности, американский — по дороге, ведущей на кладбище.

Да, роман жив... И он будет жить, пока существует народ, голос которого находит отклик в сердцах читателей национальной литературы».

— Каково ваше общее мнение о советской американистике?

— Надо сказать, американская художественная литература стала привлекать в нашей стране в последние десятилетия такое внимание, какого в прошлом Россия не знала.

СРЕДИ КНИГ

Об этом говорят хотя бы прошедшие в 70-х годах конференции русских, украинских, грузинских и других советских ученых, специализирующихся в области литературы США. На каждой из этих конференций было зачитано более полусотни докладов, посвященных проблемам литературной «американистики».

Все больше появляется книг советских специалистов по литературе США (до Октябрьской революции таких книг в России вовсе не было). Растет также число литературоведческих диссертаций, защищенных молодыми американистами в советских вузах. Немалое число газет и ежемесячных журналов охотно печатает у нас статьи, посвященные литературе США.

В своей книге «Роман США сегодня» я попытался перечислить исследователей, для которых изучение творчества американских писателей является основной задачей, главной профессией. И составленный мною далеко не полный список включает много десятков имен.

Заслуживает внимания только что опубликованный объемистый том, в котором представлена библиография изданных у нас за двести лет книг американских писателей. Там названы также исследовательские работы по литературе этой страны. Повторяю, библиография эта охватывает два столетия существования США. Но, конечно, на данные, относящиеся к самым последним 60 годам (то есть периоду существования нашей страны как страны советской), приходится львиная доля общих итоговых цифр.

— Какое, на ваш взгляд, существует различие между американской «советологией» и советской американистикой?

— Термин «советология» говорит сам за себя. «Советологией» обычно называют в США «труды» людей, которые стремятся не изучать с должной объективностью произведения советских писателей, а обращаются к литературе нашей страны с сознательной (весьма малопочтенной, конечно) целью — сделать все возможное для очернения Советского Союза, идеалов коммунизма.

Нужно признать — и я делаю это с удовольствием, — что в самое последнее время среди людей, занимающихся в США изучением творчества советских писателей, появилось несколько больше, чем в прошлом, исследователей, которых можно называть подлинными учеными, а не просто вульгарными клеветниками, использующими книги советских авторов для бесстыдной антисоветской пропаганды. Хочу надеяться, что в дальнейшем еще более широкий круг американских литературоведов будет заниматься не грязной «советологией», а действительно научной деятельностью.

Что касается советских исследователей литературы США, то можно утверждать: не только в наши дни, но и в прошлом — за отдельными печальными исключениями — эти люди исходили из стремления судить по справедливости о творчестве американских писателей.

И в самом деле, мне представляется, что среди советских литературоведов Купер или Торо, Уитмен или Твен, Фицджеральд или Хемингуэй, Фолкнер или Хеллер, Болдуин или Чивер, Воннегут или Оугс могут обнаружить не меньше искренних поклонников их творчества, нежели среди американских исследователей, посвящающих свои усилия анализу литературы родной страны.

*Издано
за рубежом*

НИГЕРИЯ: ОТЗВУКИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Eddie Iroh. *Forty Eight Guns for the General.* London, Heinemann, 1976.

Isidore Okpewho. *The Last Duty.* London, Longman, 1977.

Эдди Айро. *Сорок восемь ружей для Генерала.* 1976.

Исидор Окпехо. *Высший долг.* 1977.

Хотя гражданская война в Нигерии закончилась уже несколько лет назад, отзвуки ее еще и сейчас сильны в нигерийской литературе. Да и как могло быть иначе? События, которые предшествовали войне, погромы, начинавшийся раскол страны, сама жестокость братоубийственной войны надолго потрясли сознание нигерийцев, в том числе интеллигенции. Тем более что большинство писателей, режиссеров, деятелей культуры находилось в то время в Восточной Нигерии, а многие даже участвовали в войне на стороне Биафры. Ряд романов последних лет говорит о войне инсказательно, не раскрывая названия страны, места и времени действия. Иначе поступает Эдди Айро, журналист, ныне работающий на телевидении в Энугу, а в годы гражданской войны служивший корреспондентом в военно-информационном бюро Биафры.

Он подчеркивает, что его роман построен на материале недавней истории и, стремясь к максимальной точности, автор использовал воспоминания молодых офицеров и снабдил книгу словариком военных терминов, принятых в армии Биафры. Айро и сам был свидетелем событий, описанных в его книге «Сорок восемь ружей для Генерала». Тема этого романа воспринимается сейчас очень остро: это роль белых наемников в междоусобных войнах на африканском континенте. В самом деле, где их только не видели: в Конго, в Алжире, в Анголе... Да разве речь идет только об Африке? Разве не такие же бандиты воевали вместе с американцами во Вьетнаме?